УДК 904 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-4/2-28-33

ИВАНОВ Владимир Александрович
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
г. Уфа, Россия
ivanov-sanych@inbox.ru

Vladimir A. IVANOV
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
Ufa, Russia
ivanov-sanych@inbox.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В XIII-–XIV вв.

Проблема выделения археологических памятников монголов периода монгольского завоевания Восточной Европы и Золотой Орды давно привлекает внимание исследователей истории и культуры средневековых кочевников. Многие современные археологи разделяют точку зрения, высказанную в свое время Г.А. Федоровым-Давыдовым, согласно которой именно племенами, пришедшими из Центральной Азии, оставлены в степях Восточной Европы захоронения, совершенные под каменными сооружениями. Однако этническая интерпретация подобных памятников затруднена тем, что на востоке Великого пояса степей Евразии до сих пор не выявлены археологические признаки монголов до начала их завоеваний. В статье рассматривается динамика распространения «каменных курганов» в степях Восточной Европы с конца IX по XIV вв. Они встречаются как среди печенежских и огузских памятников (5%), так и среди кыпчакских / половецких (10%). Но только в виде отдельных захоронений, спорадически разбросанных по степи. Говорить о том, что кочевники, оставившие эти памятники, играли заметную роль в этнической карте степей Восточной Европы до монгольского нашествия, не приходится. Ситуация меняется в XIII–XIV вв. На территории Золотой Орды «каменные курганы» составляют уже почти 20% от общего числа погребений кочевников, и они образуют две локальные группы: степи Южного Урала и бассейн р. Дон. Эти данные хорошо согласуются с данными письменных источников об участии в монгольских завоеваниях племен, генетически связанных с кочевниками Центральной Азии – найманами, карлуками, кушчи, буйраками. Именно они составляли этническое ядро Улуса Шибана – младшего брата хана Бату.

Ключевые слова: огузы, печенеги, кыпчаки, половцы, «каменные курганы», тюрки, монголы, Золотая Орда, улус, кочевники.

ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF NOMADS OF CENTRAL ASIA IN EASTERN EUROPE IN XIII-XIV CENTURIES

The problem of selection of archaeological monuments of the Mongols during the Mongol conquest of Eastern Europe and the Golden Horde has long attracted the attention of researchers of history and culture of medieval nomads. Many modern archaeologists share the view, expressed in his time G.A. Fedorovym-Davydov, according to which it is the tribes who came from Central Asia, are left in the steppes of Eastern Europe dumping committed under the stone structures. However, the ethnic interpretation of such sites hampered by the fact that in the east of the Great Belt steppes of Eurasia has not yet been identified archaeological features of the Mongols to the beginning of their conquests. The article considers the dynamics of the spread of "stone barrows" in the steppes of Eastern Europe since the end of IX to XIV centuries. They are encountered among Pecheneg and Oguz monuments (5%), and among the Kipchak / Polovtsian (10%). But only in the form of individual graves, sporadically scattered across the steppe. Talk about that the nomads who left these monuments, played a notable part in the ethnic map of the steppes of Eastern Europe before the Mongol invasion is not possible. The situation is different in the XIII-XIV centuries. On the territory of the Golden Horde "stone barrows" make up almost 20% of the total number of burials of nomads, and they form two local groups: the steppe of Southern Urals and the Don River basin. These data agree well with the data of the written sources on participation in Mongol conquests tribes, genetically related to with the Central Asian nomads - Naiman, Qarluqs, Kushchi, Buyraks. They were ethnic core the Ulus of Shiban - Batu Khan's younger brother.

Keywords: Oguz, Pechenegs, Kipchaks, Polovtsy, "stone barrows", Turks, Mongols, Golden Horde, Ulus, nomads

Благодарность. *Исследование выполнено в рамках базовой части Государственного задания на проведение научно-исследовательской работы Министерства образования и науки РФ (2014-2016 гг.). Тема НИР: «Кочевники Золотой Орды XIII–XV вв. и казачество Урала XVI–XIX вв.: проблемы этно- и социально-культурной преемственности» (Проект № 2936)*

Acknowledgement. *This research was done in the framework of the base part of government specifications for the research project of the Russian Ministry of Education and Science (2014-2016). The subject of research is "The Nomads of the Golden Horde of XIII-XV centuries and the Ural Cossacks of XVI-XIX centuries: problems of ethnic and social-cultural continuity" (Project number 2936)*

У археологов, изучающих кочевнические древности эпохи средневековья в степях Евразии, особым вниманием пользуется проблема выделения и этнокультурной атрибуции памятников, оставленных собственно монголами в процессе их похода на запад в 1223–1241 гг. В целом они все едины во мнении о том, что археологическими признаками присутствия кочевников центральноазиатского происхождения в степях Восточной Европы являются надмогильные сооружения с каменными конструкциями – каменные насыпи, каменно-земляные насыпи, оградки, кольца, «панцири», выкладки над могилами и т.п. – северная ориентировка погребенного и наличие в могиле целого остова коня. Еще со времени Г.А. Федорова-Давыдова эти признаки считались едва ли не собственно монгольскими. Подобная интерпретация не может быть принята безоговорочно, поскольку мы до сих пор не располагаем корпусом археологических данных по погребальным памятникам монголов X–XII вв., то есть времени, предшествующего их завоеваниям. Поэтому, с одной стороны, данное в свое время В.А. Кригером и автором этих строк этнокультурное определение погребений кочевников Урало-Поволжья XIII–XIV вв., включая и так называемые «каменные» курганы, как кыпчакские, до сих пор сохраняет свою актуальность и используется исследователями [1, с. 91-119]. С другой – результаты сравнительного анализа краниологических серий из кочевнических погребений эпохи Золотой Орды в степях Урало-Поволжья показывают, что в них отчетливо прослеживается комплекс признаков южносибирского расового типа, по мнению антропологов, хотя и характерного для кыпчаков, но не являющегося среди них доминирующим. Там встречаются и черепа с признаками антропологического типа среднеазиатского междуречья и закаспийской расы [1, с. 104-105]. Соответственно, вывод антропологов о неоднородном расовом типе кыпчаков Урало-Поволжья в корреляции с данными о наличии у них нескольких типов погребальной обрядности явился основанием для предположения о присутствии в составе кыпчакско-половецких орд представителей и других, сибирско-азиатских, племен – канглов, уйгуров, найманов [2; 3;4;5].

Понятно, что определить этническую принадлежность каждого отдельно взятого погребенного под курганами с каменными конструкциями невозможно. Поэтому, чтобы выяснить истоки типов кочевнических погребений под «каменными курганами» в степях Восточной Европы, примем в качестве «нулевой гипотезы» предположение, о том, что они могли сохраняться здесь еще с рубежа I–II тыс. н.э., то есть с огузо-печенежского времени. Тем более что некоторые исследователи средневековых кочевников Южного Предуралья примерно так и считают [6].

Статистика погребальных памятников огузов и печенегов в степях Восточной Европы (конец IX–XI вв.) показывает, что курганы с каменными конструкциями – каменная или каменно-земляная насыпь, каменный «панцирь», каменная наброска над могилой, каменная оградка или кольцо вокруг могилы – составляют 4,8% от 517 учтенных мной погребений. Территориально они разбросаны от Южного Приуралья (Каменный Амбар V, Пчельник, Ак-Булак, Челкар, Челкар III, Лебедевка VIII), через Нижнее Поволжье (Верхне-Погромное), Дон (Голодаевка, Покровское) и далее на запад до Северо-Западного Причерноморья (Большемихайловка-II, Днепрорудный, Каран, Ласки, Большемихайловка II, Сарата) (рис. 1). Считать их печенежскими не позволяет отсутствие положительной корреляции (Пирсона) между каменными конструкциями и такими этнографическими признаками печенегов, как захоронение шкуры коня рядом с погребенным и наличие в инвентаре удил без перегиба. Считать огузскими – аналогичная ситуация с этнографическими признаками огузов: захоронение конской шкуры над погребенным, птицевидные подвески, копоушки, бляхи-решмы в составе погребального инвентаря [7, с. 130-138]. То есть, кочевники, оставившие курганы с каменными конструкциями (даже если они и были связаны своим происхождением с восточной периферией Великого пояса степей Евразии), не играли заметной роли в формировании этнокультурной карты степей Восточной Европы в огузо-печенежское время. Быть этнокультурной основой для сохранения и трансляции этих признаков обрядности во времени они, разумеется, не могли хотя бы в силу своей малочисленности.

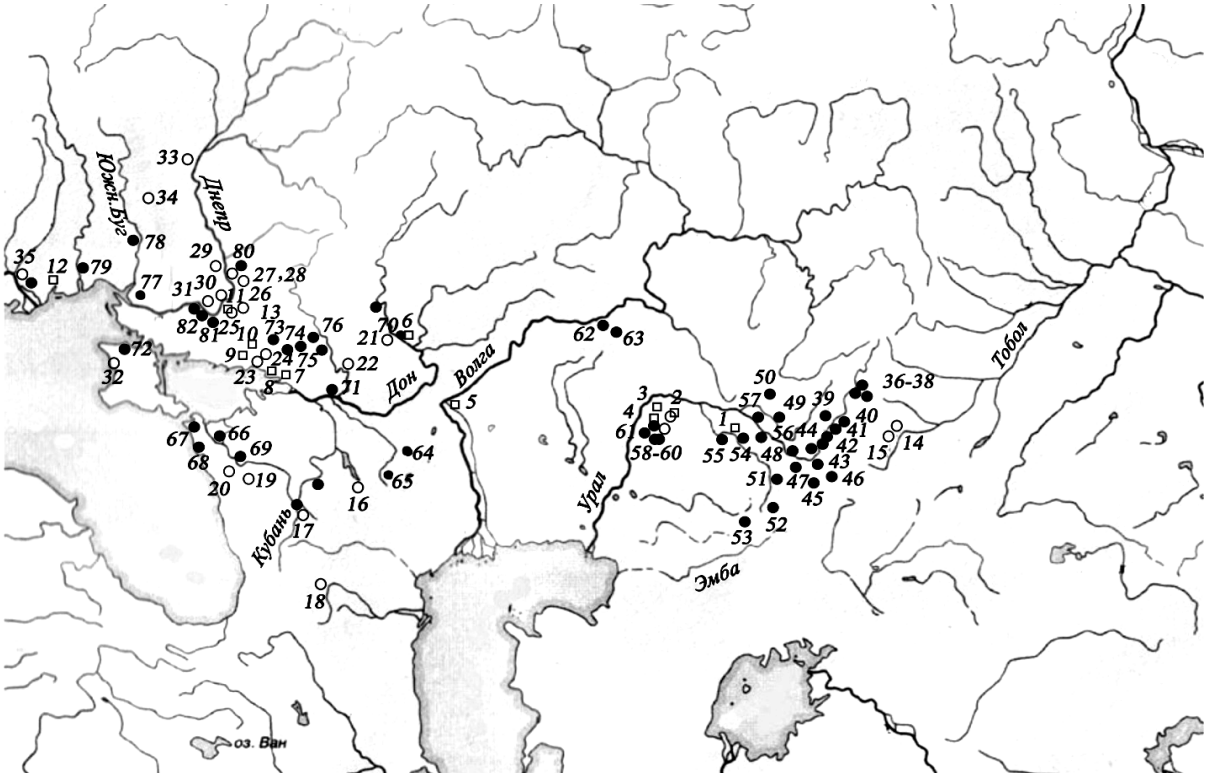

Рисунок 1. Карта-схема "каменных курганов" средневековых кочевников Восточной Европы
Figure 1. Schematic map "stone barrowss" of medieval Eastern European nomads

Условные обозначения: □ *- курганы огузов и печенегов (IX-XI вв.):* 1 - Пчельник; 2 - Челкар; 3 - Челкар III; 4 - Лебедевка VIII; 5 - Верхне-Погромное; 6 - Высокая гора; 7 - Голодаевка; 8 - Покровское; 9 - Ласки; 10 - Каран; 11 - Днепрорудный; 12 - Сарата; 13 - Большемихайловский.

О - *курганы кыпчаков/половцев XII-перв. пол. XIII вв.:*14 - Змеиный Дол; 15 - Каинсай; 16 - Три Брата; 17 - Бешпагир; 18 - Буденетово II; 19 - Ахметовская; 20 - Псебайская; 21- Вервековка; 22 - Устьбелокалитвинск; 23 - Чермалык; 24 - Каменский; 25 - Большемихайловский; 26 - Рясные могилы; 27, 28 - Каменка; 29 - Сухая Калина; 30, 31 - Новогригорьевка; 32 - Вилино; 33 - Россава; 34 -Земля Москопуло; 35 - Плавни.

● - ***курганы кочевников Золотой Орды (XIII-XIVвв.):*** 36- Агаповский I; 37 - Агаповские горы 10; 38 - Агаповские горы 19; 39 - Ишкуловский II; 40 - Покровский IV; 41 - Большевик II и III; 42 - Березовский V; 43 - Новоорский; 44 - Новый Кумак; Новый Кумак II; Новый Кумак III; у Обелиска Славы (г.Орск); 45 - Озерновский III; 46 - Комсомольский VI; 47 - Худай-Берген III и IV; 48 - Хабарный I; 49 - Тлявгуловский; 50 - Андреевский; 51 - Жаксы-Каргала; 52- Шпаки II; 53 - Новая База II; 54 - Тамар-Уткуль; 55 - 2-я верста от Илецкой защиты; 56 - Урал; 57 - Новочеркасский VII; 58 - Лебедевка IV; 59 - Лебедевка VI; 60 - Лебедевка VIII; 61 - Жарсуат; 62 - Пугачев; 63 - Зауморье; 64 - Три брата; 65 - Цаган-Эльсин; 66 - гора Дооб; 67 - Имение Борисово; 68 - Раевская (у городища); 69 - Псебайская II; 70 - Высокая гора; 71 - Черемшино; 72 - Станция Битумная; 73 - Каменка; 74 - Шахтерск; 75 - Макеевка; 76 - Полковое; 77 - Марьянское; 78 - Дымовка; 79 - Коржевский; 80 - Пески; 81 - Новогригорьевка 111; 82 - Камышеваха.

Среди половецких погребений XII – начала XIII вв. Восточной Европы курганы с каменными конструкциями также представлены, и довольно заметно – 9,7% от 431 учтенного нами погребения. В отличие от огузо-печенежского времени типология их более разнообразна, и здесь уже можно выделить:

Каменные насыпи над могилой (Змеиный Дол, Каинсай – Челябинская обл.; Кара-Кият – Крым; Новогригорьевка – Запорожская обл.; Псебайская I – Краснодарский край);

Каменно-земляные насыпи (Лебедевка VII – Уральская обл.; Буденетово II – Сев. Кавказ; Верхний Степок – Харьковская обл.; Каменка, Новогригорьевка, Пески – Днепропетровская обл.; Клунниково – Луганская обл.; Псебайская I – Краснодарский край; Усть-Белокалитвенск – Ростовская обл.);

Каменный «панцирь» поверх земляной насыпи (Лисаковский – Актюбинская обл.; Ахметовская – Краснодарский край; Новоалександровка и Чермалык – Днепропетровская обл.; Россава – Киевская обл.; Земля М.Д. Москопуло – Херсонская обл.);

Каменная наброска над могилой (Большое Озеро – Челябинская обл.; Три Брата I – Калмыкия; Ахметовская – Краснодарский край; Бешпагир – Ставрополье; Большемихайловка I и Каменка – Днепропетровская обл.; Каменский – Донецкая обл.; Рясная Могила (Байки) – Запорожская обл.; Плавни – Одесская обл.);

Каменное кольцо вокруг могилы (Лебедевка VIII – Уральская обл.; Буденетово II – Сев. Кавказ; Хавалы IV – Ростовская обл.; Сухая Калина – Днепропетровская обл.; Никифорово – Донецкая обл.).

Подобные курганы также спорадически разбросаны по всему пространству восточноевропейских степей, от верховьев Тобола на востоке до устья Дуная на западе (рис. 1).

Как у огузов и печенегов, в данном случае мы также наблюдаем отрицательную статистическую корреляцию каменных надмогильных сооружений с такими половецкими этнографическими признаками, как целый остов коня, лежащий справа от человека, восточная и юго-восточная ориентировка погребенных, относительно частая встречаемость доспехов (шлем, кольчуга) в составе инвентаря, лазуритовые подвески, гривна, костяное навершие нагайки [7, с. 150].

Появление в половецкое время захоронений под каменными конструкциями к западу от Волги может быть объяснено приходом сюда каких-то групп кочевников, своим происхождением связанных с тюрко-монгольскими племенами Центральной Азии. Известно, что до прихода в середине XI в. в степи Восточной Европы кыпчаки-половцы находились вначале под влиянием культуры тюрок, а затем – кимаков. В составе Кимакского каганата они пребывали в течение VIII–X вв. Хорошо известно также, что характерным элементом погребальной обрядности как древнетюркских, так и кимакских племен являются каменные сооружения над могилами и захоронения вместе с человеком целой туши коня (остов в могиле) [8, с. 29-45]. Вполне вероятно, что, когда в начале XI в. Кимакский каганат распадается и кыпчакские племена начинают свое движение на запад, в их составе (кыпчакская конфедерация) кроме сары-кыпчаков (половцев) находились племена кунов, каи, басмылов, карлуков и др. [9, с. 328-346]. Они и могли принести с собой в степи Восточной Европы характерные для центральноазиатских кочевников (тюрок и монголов) элементы погребальной обрядности: каменные курганы и конские захоронения. Но едва ли есть смысл в каждом из немногочисленных каменных курганов Восточной Европы XII – нач. XIII вв. искать представителя какого-то конкретного тюрко-монгольского племени. В восприятии окружающего мира все они были кыпчаки–куманы–половцы. И опять-таки, будучи рассеянными по всему пространству восточноевропейских степей, эти племена, судя по географии соответствующих памятников, нигде не образовывали районов компактного расселения. Так что их роль в этнической карте степей Восточной Европы домонгольского времени не была заметной. Для своих ближайших соседей – русских или византийцев – все они были на одно лицо: «половцы безбожнии», или «куманы».

Иную картину наблюдаем мы при обращении к погребальным памятникам кочевников Восточной Европы эпохи Золотой Орды. Из 1 181 кочевнического погребения XIII–XIV вв., учтенного в настоящей работе, 19,7% совершены под каменными сооружениями в виде каменных или каменно-земляных курганов, курганов с «панцирем», набросок над могилой, каменных колец или прямоугольных оградок вокруг могилы. В отличие от «каменных курганов» огузо-печенежского и кыпчакско-половецкого времени аналогичные курганы золотоордынского периода обнаруживают четкую локализацию в степях Восточной Европы: почти 62% (61,8%) погребений, совершенных под каменными конструкциями, локализуются в степях Южного Приуралья и Зауралья – в верхнем и среднем течении р. Урал, в бассейне Илека, по берегам оз. Шалкар. Остальные разбросаны на обширном пространстве восточноевропейских степей, от Калмыкии (Три Брата I и II, Цаган-Эльсин) и Ставрополья (Колония Карраса) до Молдовы (Коржевский). Впрочем, здесь также можно выделить район наибольшей концентрации погребений под «каменными курганами»: из 38,2% подобных погребений, расположенных к западу от Волги, 23,5% локализуются в междуречье Нижнего Днепра, Северского Донца и Кальмиуса, на территории современных Днепропетровской (Благодатный, Каменка, Камышеваха, Марьянское, Николаевка, Острая Могила, Пески, Рясные Могилы, У Рассыпного леса), Донецкой (Житенко, Макеевка, Полковое, Чугуно-Крепинка, Шахтерск) и Запорожской (Новогригорьевка, Новогригорьевка III) областей Украины (рис. 1). Суммарная характеристика погребального обряда кочевников эпохи Золотой Орды, оставивших в степях Восточной Европы захоронения под «каменными курганами», представлена следующими признаками: одиночные захоронения в простой могильной яме, перекрытой деревянным настилом; поза погребенного – вытянуто на спине, головой на запад, северо-запад или север; иногда погребенный находится в дощатом гробу или колоде; остатки заупокойной пищи – кости овцы, помещенные у ног погребенного; как признак всадничества в могилах встречаются принадлежности конской сбруи – удила и стремена. Некоторые из признаков обряда, в том числе и из числа редко встречающихся, обнаруживают устойчивую статисти-

ческую корреляцию между собой. Это *земляные насыпи и каменное кольцо вокруг могилы* (Урал, к.5; Лебедевка VI, к.10; Лебедевка VIII, к.6; Пчельник, к.6; Каратугайская волость, к.4; Новый Кумак, к.8; Жаманкаргала I, к.30; Рясные Могилы, к.8,10,14,16,17; Новогригорьевка III, к.1-5; Мысхако, Марьянское, к.4; Высокая Гора, к.2), *каменное кольцо вокруг могилы с подбоем, вход в который перекрыт деревом* (Лебедевка VI, к.10; Новогригорьевка III, к.1-5), *каменная оградка вокруг могилы с уступами-заплечиками вдоль длинных стенок* (Новая База II, к.2; Полковое, к.3).

Сейчас едва ли стоит подвергать сомнению то обстоятельство, что появление в степях Восточной Европы в XIII–XIV вв. погребений, совершенных под каменными конструкциями, есть результат прихода сюда кочевников центральноазиатского происхождения. По данным Ю.С. Худякова, погребения, характеризующиеся перечисленными признаками обряда, в монгольское время получают распространение в степях северного, восточного и центрального Казахстана, то есть на основной территории Кок-Орды, восточного крыла Улуса Джучи. Исследователь считает, что оставлены эти погребения кыпчаками, но уже находившимися под заметным монгольским этнокультурным воздействием [10].

Однако в контексте сравнительно-типологического анализа погребений кочевников Золотой Орды в степях Восточной Европы [7, с. 160-170] более предпочтительной представляется точка зрения В.П. Костюкова, который, опираясь на результаты перекрестного анализа данных археологии и средневековых письменных источников, считал, что на территории Улуса Шибана (степи Южного Зауралья и Приуралья – район плотной локализации «каменных курганов») в XIII–XIV вв. обитали племена найманов, карлуков, кушчи, буйраков, «в массе которых кыпчаки не выделялись ни особой многочисленностью, ни влиятельностью» [2, с. 200-235]. Поскольку пока мы не имеем в достаточном количестве археологического материала, позволяющего выделить памятники перечисленных племен на востоке Великого пояса Евразийских степей, в качестве рабочей гипотезы остановимся на предположении о том, что известные сейчас в степях Восточной Европы погребения эпохи Золотой Орды, совершенные под каменными конструкциями, оставлены этими тюрко-монгольскими племенами. Кто были по своей этнической принадлежности найманы, карлуки, кушчи, буйраки – тюрки или монголы – это еще предстоит установить. Первое их появление к западу от Волги, вероятнее всего, было связано с кыпчакско-половецкой экспансией первой половины XI в. Но это были, по-видимому, разрозненные и немногочисленные группы кочевников, не оказавшие заметного влияния на кыпчакско-половецкую (сары-кыпчакскую) составляющую этнической карты степей Восточной Европы в домонгольский период.

Монгольское нашествие на Восточную Европу осуществлялось с сугубо завоевательной целью. Захваченные монголами степные территории не просто эксплуатировались, но и заселялись подвластными им кочевыми племенами. Среди последних, по-видимому, находились племена, сохранявшие погребальную обрядность, генетически восходящую к тюркам Центральной Азии и кимакам. Именно они составили этническое ядро Улуса Шибана. На это указывает преимущественная локализация погребений под каменными конструкциями именно на территории к востоку от р. Урал, бывшей западной границей указанного улуса [2, с. 97-98; 11, с. 32]. Наличие погребений, совершенных под каменными конструкциями, к западу от Волги, по-видимому, может быть объяснено участием кочевников центральноазиатского происхождения в походах Бату на Восточную Европу и далее на запад. Тем более, что и сам Шибан – младший брат Бату – принимал в этом походе активное участие [2, с. 83-84].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Антропология башкир / М.А. Бермишева, В.А. Иванов, Г.А. Киньябаева и др. – СПб.: Алетейя, 2011. – 496 с.
2. *Костюков В.П.* Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник. 2005. – М., 2006. – С. 199-237.
3. *Костюков В.П.* Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. – Казань, 2010. – 200 с.
4. *Матюшко И.В.* Классификация погребального обряда кочевников IX–XIV вв. н.э. степей Приуралья. Автореф. дис… канд. ист. наук. – Казань, 2008. – 23 с.
5. *Яминов А.Ф.* Этнокультурная карта Южного Урала в эпоху Золотой Орды // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). – Челябинск, 2006. – С. 435-443.
6. *Бытковский О.Ф., Заседателева С.Н., Матюшко И.В., Харламов П.В.* Средневековые захоронения Новокумакского могильника (III северо-западная группа) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11. – Оренбург, 2014. – С. 214-228.
7. *Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В.* Средневековые кочевники на границе Европы и Азии [текст]: коллект. монография / В.А. Иванов, Г.Н. Гарустович, Я.В. Пилипчук. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. – 396 с.
8. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.: Наука, 1981. – 300 с.
9. *Кляшторный С.Г.* Кимаки, кипчаки и половцы // История татар с древнейших времен. Т.I. Народы степной Евразии в древности. – Казань, 2002. – С. 328-346.

10. *Худяков Ю.С*. О происхождении культуры средневековых кыпчаков // Древности Алтая. – 2004. – №12. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2004/12/17.html
11. *Трепавлов В.В.* Золотая Орда в XIV столетии. – М.: Квадрига, 2010. – 72 с.

REFERENCES

1. Antropologiya bashkir . M.A.Bermisheva, V.A.Ivanov, G.A.Kin'yabaeva i dr. SPb.: Aletejya, 2011.
2. Kostyukov V.P. Byla li Zolotaya Orda «Kipchakskim hanstvom»? Tyurkologicheskij sbornik. 2005. M., 2006.
3. Kostyukov V.P. Ulus SHibana Zolotoj Ordy v XIII-XIV vv. Kazan', 2010. 200p.
4. Matyushko I.V. Klassifikaciya pogrebal'nogo obryada kochevnikov IX-XIV vv. n.eh. stepej Priural'ya. Avtoref. Diss… kand. Ist. Nauk. Kazan', 2008.
5. Yaminov A.F. EHtnokul'turnaya karta YUzhnogo Urala v ehpohu Zolotoj Ordy. Arheologiya YUzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza). CHelyabinsk, 2006.p p.435-443.
6. Bytkovskij O.F., Zasedateleva S.N., Matyushko I.V., Harlamov P.V. Srednevekovye zahoroneniya Novokumakskogo mogil'nika (III severo-zapadnaya gruppa). Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya. Vyp. 11. Orenburg, 2014. pp. 214-228.
7. Ivanov V.A., Garustovich G.N., Pilipchuk Ya.V. Srednevekovye kochevniki na granice Evropy i Azii [tekst]: kollekt. Monografiya. V.A.Ivanov, G.N.Garustovich, YA.V.Pilipchuk. Ufa: Izd-vo BGPU, 2014. 396 p.
8. Stepi Evrazii v ehpohu srednevekov'ya. Arheologiya SSSR. M.: Nauka, 1981. 300 p.
9. Klyashtornyj S.G. Kimaki, kipchaki i polovcy. Istoriya tatar s drevnejshih vremen. T.I. Narody stepnoj Evrazii v drevnosti. Kazan', 2002. p.328-346.
10. Hudyakov Yu.S. O proiskhozhdenii kul'tury srednevekovyh kypchakov. Drevnosti Altaya. 2004.№12. El. Resurs. Rejim dostupa. Available at: http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2004/12/17.html
11. Trepavlov V.V. Zolotaya Orda v XIV stoletii. M.: Kvadriga, 2010. 72 p.

Информация об авторе

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им.М.Акмуллы.
г. Уфа, Россия
ivanov-sanych@inbox.ru

Information about the author

Vladimir A. Ivanov, Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian History. Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia
ivanov-sanych@inbox.ru

Получена: 10.08.2016

Received: 10.08.2016

Для цитирования статьи: Иванов В. А., Археологические памятники кочевников Центральной Азии в Восточной Европе в XIII-XIV вв. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 4. Часть 2. с. 28-33. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-4/2-28-33.

For article citation: Ivanov V.A., Arheologicheskie pamjatniki kochevnikov Central'noj Azii v Vostochnoj Evrope v XIII-XIV vv. [Archaeological monuments of nomads of Central Asia in Eastern Europe in XIII-XIV centuries]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 4. Part. 2. Pp. 28-33.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-4/2-28-33. (in Russian)